

Научная статья

УДК 343.2

EDN ILGEDX

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354

СОДЕРЖАНИЕ СОВМЕЩНОСТИ ПРИ СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

А.В. Шеслер^{1, 2}¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Российская Федерация² Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

20 марта 2022 г.

Дата принятия в печать

24 мая 2022 г.

Дата онлайн-размещения

12 июля 2022 г.

Ключевые слова

Соучастие; общность деяния; единый результат; причинная связь; неизбежность; реальная возможность; совместность умысла

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи была совместность как признак соучастия в преступлении. Цель статьи — обосновать содержание этого признака с объективной и субъективной стороны. Исследование основано на отечественном уголовном законодательстве и материалах отечественной судебной практики. В процессе работы над статьей применялись: метод сравнительного правоведения, позволивший сравнить положения о соучастии в преступлении в постановлениях пленумов Верховного Суда СССР, основанных на положениях УК РСФСР 1960 г., и постановлениях пленумов Верховного Суда РФ, основанных на положениях УК РФ 1996 г.; метод анализа документов, давший возможность проанализировать судебную практику и предложения Верховного Суда РФ о соучастии в преступлении; формально-логический метод, позволивший провести анализ содержания норм гл. 7 УК РФ. Сделан вывод о том, что к совместности соучастия в преступлении с объективной стороны относятся общность деяния соучастников, единый для них преступный результат и причинная связь между общим деянием соучастников и единым преступным результатом; что к совместности соучастия в преступлении с субъективной стороны относится совместность умысла. Обосновано, что общность деяния соучастников означает взаимную обусловленность деяний каждого из них, достигаемую через разделение функций и соединение их усилий в процессе совершения преступления, что единый для них преступный результат обуславливает наличие причинной связи между общим деянием соучастников и единым преступным результатом. Критикуется высказанная в науке уголовного права позиция, в соответствии с которой при соучастии имеется два вида связей — причинно-следственная и обуславливающая, а также основанная на этой позиции судебная практика, позволяющая расширить круг лиц, несущих уголовную ответственность за соучастие в преступлении. Утверждается, что причинную связь при соучастии в преступлении следует понимать как разнovidность причинных связей в социальных явлениях, в силу чего она носит объективно-субъективный характер, зависит от сознания соучастников преступления. Аргументируется, что причинная связь при соучастии в преступлении связывает общее деяние соучастников и единый для них преступный результат, если такое деяние является причиной этого результата, т.е. содержит неизбежность или реальную возможность его наступления. Отмечается, что к совместности соучастия в преступлении с субъективной стороны относится совместность умысла соучастников, означающая наличие у них психической общности. Показана специфика совместного умысла при соучастии в преступлении, состоящая в том, что между соучастниками существует двусторонняя субъективная связь и совместность волевых усилий.

Original article

THE CONTENT OF COLLABORATION IN THE COMPLICITY IN A CRIME

Alexander V. Shesler^{1, 2}¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, the Russian Federation² National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

Article info

Received

2022 March 20

Abstract. The subject of the study was collaboration as a sign of complicity in a crime. The purpose of the article is to describe the content of this feature from its objective and subjective side. The research is based on domestic criminal legislation and materials of domestic judicial practice. The research was conducted using the following methods: the method of comparative jurisprudence, which allowed

Accepted

2022 May 24

Available online

2022 July 12

Keywords

Complicity; community of action;
common result; causality; inevitability;
real opportunity; community of intent

comparing the provisions on complicity in a crime in the resolutions of the Plenary sessions of the Supreme Court of the USSR based on the provisions of the Criminal Code of the Russian Soviet Federal Socialist Republic of 1960, and the resolutions of the Plenary sessions of the Supreme Court of the Russian Federation based on the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996; the method of analyzing documents, which allowed analyzing judicial practice and proposals of the Supreme Court of the Russian Federation on complicity in a crime; the formal-logical method, which allowed analyzing the content of the norms of Chapter 7 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that the objective side of collaboration of complicity in a crime includes the community of the accomplices' actions, a single criminal result and a causal relationship between the communal actions of the accomplices and a single criminal result. The subjective side of collaboration of complicity in a crime refers to the community of intent. It is proved that the community of the accomplices' actions means the mutual conditionality of the actions of each of them, achieved through the separation of functions and the combination of their efforts in the process of committing a crime, that a single criminal result for them conditions the presence of a causal relationship between the communal act of the accomplices and a single criminal result. The author criticizes the position expressed in the theory of criminal law according to which there are two types of connections in complicity — causal and causative, as well as judicial practice based on this position, which allows expanding the circle of persons criminally responsible for complicity in a crime. It is argued that the causal relationship in complicity in a crime should be understood as a kind of causal relationships in social phenomena, which is why it is objective and subjective in nature and depends on the consciousness of the accomplices of the crime. It is argued that the causal relationship in complicity in a crime connects the communal act of the accomplices and a single criminal result for them, if such an act is the cause of this result, that is, it contains the inevitability or the real possibility of its occurrence. It is noted that the collaboration of complicity in a crime, from its subjective side, is the compatibility of the intent of the accomplices, which means that they have a mental community. The article shows the specifics of communal intent in complicity in a crime, which consists in the fact that there is a two-way subjective connection between the accomplices and the combination of volitional efforts.

Признакам соучастия в преступлении, в частности признаку совместности, в отечественной науке уголовного права посвящено немало работ. На первый взгляд, этот вопрос следует считать исчерпанным. Однако постоянное обращение исследователей к нему обусловлено, во-первых, изменениями в групповой преступности, связанными с усложнением групповых преступлений, не все из которых охватываются соучастием в преступлении. Во-вторых, происходит насыщение социальной среды источниками повышенной опасности, ошибки в эксплуатации которых несколькими лицами приводят к совершению неосторожных преступлений, которые также нельзя считать совершенными в соучастии. Законодательные конструкции в действующем УК РФ в значительной мере не отражают такую многосубъектность совершения преступлений и иное стечение нескольких лиц при совершении преступлений, прежде всего неосторожных. Практика применения уголовного закона для решения возникшей проблемы использует относительно таких ситуаций конструкцию соучастия в преступлении при от-

сутствии его ключевых признаков. В-третьих, содержание закрепленных в ст. 32 УК РФ признаков соучастия в судебной практике раскрывается противоречиво (в частности, применительно к совершению преступления группой лиц и организованной группой соисполнительство понимается по-разному). В-четвертых, в теории уголовного права существуют две крайности, одна из которых связана с попыткой обосновать применение конструкции соучастия к случаям стечения нескольких лиц при причинении одного преступного результата (прежде всего обосновать расширительное толкование совершения преступления группой лиц и «неосторожного соучастия»). Такие попытки приводят к тому, что каждый из ключевых признаков соучастия в зависимости от уголовно-правовой оценки разновидности стечения нескольких лиц в одном преступлении становится не обязательным (в частности, признак субъектного состава или совместности деяния). Вторая крайность связана с тем, что содержание признаков соучастия в течение многих десятилетий раскрывается без учета достижений философии о детерминации

человеческой деятельности (в частности, содержание причинной связи до сих пор по инерции раскрывается на основе того представления о ней, которое сформировано в полной мере еще в середине прошлого столетия).

Полагаем, что решение возникших проблем должно быть связано с законодательным решением всех случаев стечения нескольких лиц при совершении одного преступления. Однако на первом этапе необходимо прежде всего вновь обозначить содержание ключевых признаков соучастия в преступлении, которые отделяют его от иных указанных ситуаций, в частности содержание признака совместности при соучастии.

В большей степени в науке уголовного права внимание уделено субъектному составу соучастия, который позволяет отличить этот институт от иных форм групповых преступлений, соучастием не являющихся. В частности, в литературе активной критике подвергаются судебная практика и позиция поддерживающих ее исследователей, допускающих расширительное толкование совершения преступления группой лиц и относящих к такому посягательству не только соисполнительство, но и всякое выполнение объективной стороны преступления несколькими лицами, из которых лишь одно может быть субъектом преступления [1, с. 14–15; 2].

Данное толкование прямо противоречит уголовному закону, так как в ч. 1 ст. 35 УК РФ все участники группового преступления названы соисполнителями, а применение уголовного закона по аналогии, возникающей в результате его расширительного толкования, является нарушением принципа законности, закрепленного в ст. 3 УК РФ. Совместность действий при фактическом выполнении объективной стороны преступления несколькими лицами, из которых лишь одно является субъектом преступления, может быть аналогичной совместности деяния при соучастии. Однако отсутствие субъектного состава, необходимого для соучастия, позволяет признать такое преступление групповым в криминологическом, а не уголовно-правовом смысле [3]. Предметом основного нашего исследования субъектный состав как признак соучастия не является. Однако отметим, что в современный период обсуждаемая проблема еще более осложнилась. Ряд авторов акцентируют внимание на том, что в связи с наличием в УК РФ ч. 3 ст. 20 соучастие не образуют не только преступления, совершаемые двумя и более лицами, из которых лишь одно достигло требуемого возраста

уголовной ответственности и является вменяемым. К соучастию не относятся и те преступления, в которых участвуют несовершеннолетние, достигшие возраста уголовной ответственности, однако не подлежащие ей, если эти лица вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере сознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния либо руководить им [4, с. 17].

В меньшей степени в науке уголовного права внимание уделено признаку совместности соучастия, который дает возможность в большей мере указать на отличие соучастия в преступлении от иных случаев стечения нескольких лиц при совершении одного преступления. Кроме того, правильное понимание этого признака позволяет исправить систематические ошибки в практике применения уголовного закона.

Содержание совместности как признака соучастия в преступлении, указанного в ст. 32 УК РФ, раскрывается через характеристику его объективных и субъективных свойств.

Объективные свойства совместности соучастия состоят в том, что совершенное соучастниками деяние является общим, результат — единым, а причинная связь существует только между ними, а не деянием каждого соучастника и преступным результатом.

Деяние будет общим в том случае, если соучастники распределяют усилия и соединяют их при совершении одного преступления. Распределение усилий может быть простым — при совершении сходных с фактической стороны действий, а может быть сложным — при совершении фактически различных действий. Обычно простое распределение усилий свойственно соисполнительству в преступлении в тех случаях, когда соучастники полностью выполняют объективную сторону преступления. Например, участники группового изнасилования, используя беспомощное состояние потерпевшей, совершают с ней половой акт помимо ее воли. Вместе с тем при групповом посягательстве не исключено совершение соучастниками различных с фактической стороны деяний. Так, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 г. № 16 обращается внимание на то, что одни участники группового преступления совершают с потерпевшей поло-

вой акт помимо ее воли, а другие содействуют этому, применяя к ней физическое или психическое насилие. Фактическое различие в действиях в большей степени характеризует соучастие, при котором выделяются виды соучастников, предусмотренные ст. 33 УК РФ.

Соединение усилий может возникать во время совершения всеми соучастниками своих действий (обычно при соисполнительстве), может происходить поочередно (обычно при выделении видов соучастников, предусмотренных ст. 33 УК РФ). Вместе с тем поочередно могут быть совершены действия и соисполнителями, в частности в отношении одного наркотика, который сначала производится, затем пересылается и в последующем сбывается. Причем эти действия, указанные в ст. 228.1 УК РФ, совершаются разными участниками одной преступной группы [5, с. 242–252].

Таким образом, совместность деяния, выражающаяся в разделении и соединении усилий, образующих объективную сторону состава преступления, обычно в судебной практике квалифицируется в качестве соисполнительства, терминологически выраженного как совершение преступления группой лиц. Однако судебная практика в этом вопросе проявляет непоследовательность. В частности, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 указывается на необходимость квалификации как соисполнительства без ссылки на ст. 33 УК РФ действий тех соучастников кражи, грабежа и разбоя, которые непосредственного изъятия имущества не осуществляли, однако, согласно предварительной договоренности между соучастниками, совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления. К такому содействию Верховный Суд РФ относит, в частности, участие во взломе дверей, запоров, решеток, вывоз похищенного, подстраховку других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления. Полагаем, что такая позиция не позволяет дифференцировать общественную опасность и наказуемость лиц, выполнивших объективную сторону состава преступления, и лиц, которых уголовный закон называет исполнителями, организаторами, подстрекателями и пособниками (ч. 1 ст. 33 УК РФ).

Вместе с тем отметим, что можно считать соисполнителями преступления тех лиц, которые

не участвовали в непосредственном завладении чужим имуществом (его изъятии у владельца и обращении в другое незаконное владение), однако непосредственно оказывали содействие хищению, которое совершалось при таких квалифицирующих признаках, как незаконное проникновение в жилище, а также хищение из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Это обусловлено тем, что соответствующие квалифицирующие признаки вместе с основным составом хищения образуют учтенную в законе совокупность преступлений, каждое из которых, образуя одно преступление, отдельно не квалифицируется. Такая законодательная конструкция учитывает особенности механизма хищений, которые неразрывно сопряжены с посягательством не только на собственность, но и на другие объекты уголовно-правовой охраны: неприкосновенность жилища (ст. 139 УК РФ), безопасную работу нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (ст. 215.3 УК РФ). Именно поэтому действия лиц, оказавших такое содействие, можно считать частичным выполнением единого сложного деяния, являющегося основным признаком объективной стороны составного состава преступления.

Совершенно необоснованной представляется позиция судебной практики, в соответствии с которой совместность действий всех участников организованной группы, независимо от их роли в совершенном преступлении, оценивается как соисполнительство. В частности, такая позиция отражена в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1, п. 15 постановления «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29, п. 14 постановления «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 17 декабря 2015 г. № 56, п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48. Подобная позиция противоречит заложенным в ст. 34 УК РФ основаниям дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления в зависимости от характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления. Данные характер и степень фактического участия определяются соисполнительством или иным участием в преступлении (действиями организатора, под-

стрекателя или пособника). Поэтому действия участников такой группы, которые полностью или частично не выполняли деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления, должны квалифицироваться как соучастие в соответствующем преступлении, совершенном организованной группой, со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Единый преступный результат следует из взаимной обусловленности деяний соучастников, поэтому он ставится им всем в вину при условии, что охватывается умыслом каждого из них. Данное обстоятельство находит отражение в квалификации действий соучастников. Причем несмотря на то, что ответственность и наказание соучастников дифференцируются и индивидуализируются, в судебной практике квалификация не отражает степень участия отдельных соучастников в достижении общего преступного результата. Например, в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 указывается, что при групповом хищении в крупном размере, причинившем значительный ущерб гражданину, последствия вменяются всем соучастникам. Подобная позиция отражена и в других постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в частности в п. 32 постановления «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48, п. 17 постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24, п. 13 постановления «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» от 18 ноября 2004 г. № 23. Данная позиция представляется правильной и вытекает, как это обосновывается далее, из особенностей причинной связи, устанавливаемой между общим деянием и единым преступным результатом.

По поводу особенностей причинной связи при соучастии исследователи по-разному отвечают на следующие вопросы: существует ли причинная связь между деянием каждого из соучастников и преступным результатом? носит она только объективный или объективно-субъективный характер, т.е. зависит ли ее наличие от осознания соучастниками преступления? носит данная связь закономерный или вероятный характер, в чем состоит закономерный характер причинной связи (в неизбежности преступных последствий или в их реальной возможности)?

Приступая к анализу первой проблемы, отметим, что значительная часть исследователей указывают на то, что действия каждого соучастника причинно связаны с единым преступным результатом. При этом авторы отмечают, что причина преступного результата — действия исполнителя (соисполнителей), а действия остальных содействуют наступлению этого результата, являются его условием [6, с. 17–18; 7, с. 6–7; 8, с. 9–11]. Значение такого подхода его сторонники усматривают в том, что установление различной степени причинения общего последствия каждым соучастником позволяет определить различную их степень участия в одном преступлении и выделить виды соучастников [9, с. 262–267], а также формы соучастия [10, с. 52, 80–81].

Конечно, следует выделять вклад каждого из соучастников в достижение общего преступного результата для дифференциации и индивидуализации их наказания. Вместе с тем анализируемая позиция не позволяет ответить на вопрос о том, почему в судебной практике, как отмечалось ранее, единый преступный результат вменяется всем соучастникам, причем в полном объеме, а причиняет его только исполнитель преступления. Кроме того, критикуемая позиция вызывает вопрос о том, почему причинная связь, предполагающая существование как причины, так и условия, считается возможной при наличии только одного из этих детерминантов. Такой вопрос возникает в связи с тем, что причастность двух и более лиц к одному преступному результату (в виде создания неизбежности или реальной возможности его наступления либо в виде содействия таким неизбежности или возможности) может характеризовать не только соучастие, но и иные случаи стечения нескольких лиц в одном преступлении, которые соучастием не являются [11, с. 7–8, 14–22, 59–89; 12, с. 7, 9–14].

Учитывая разницу между вкладом соучастников в достижение единого результата, другие исследователи утверждают, что при соучастии имеют место два вида связей, а именно причинно-следственная и обуславливающая. Суть такого подхода состоит в следующем. Причинная связь характеризуется тем, что деяние, выступая в качестве причины, порождает преступный результат как свое последствие. Обуславливающая связь характеризуется тем, что деяние, выступая в качестве условия, способствует действию причины. Таким образом,

причинная связь существует только между действиями исполнителя (соисполнителя) преступления и преступным последствием, действия иных соучастников являются лишь условием причинения этого последствия. В результате исследователи делают вывод о том, что уголовная ответственность за деяние наступает при наличии как причинной, так и обуславливающей связи между деянием и преступным последствием [13, с. 241–242; 14, с. 44–51].

Данная позиция теоретически обосновывает в практике применения уголовного закона привлечение к уголовной ответственности в качестве соучастников лиц, прикосновенных к преступлению. В частности, в п. 2 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11¹ и в п. 8 также утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» от 5 ноября 1998 г. № 14² к пособничеству относилось систематическое приобретение добытой преступным путем продукции у одного лица даже в том случае, когда это приобретение не было обещано заранее. В современной практике применения уголовного закона такая позиция до сих пор не исключена. Так, в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» от 7 июля 2015 г. № 32 допускается отнесение преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, к соучастию в другом преступлении (в частности, в краже), в результате которого добыто имущество, не только в случае обещания исполнителю последнего приобрести или сбыть такое имущество, которое дано до или во время совершения им преступления, но и в случае систематичности совершения этих действий или в силу других причин, дающих основание этому исполнителю на подобное содействие. Такое толкование противоречит редакции ч. 5 ст. 33 УК РФ, в соответствии с которой приобретение добытых в результате преступления предметов

представляет собой пособничество, когда оно заранее обещано.

Полагаем, систематическое укрывательство является пособничеством, когда между лицом, совершившим преступление, и лицом, его укрывающим, есть сложившаяся договоренность о постоянном приобретении добытых преступным путем определенных предметов (рыбы, лесных диких животных, готовых мясных продуктов и т.д.). Такую договоренность можно считать заранее обещанным укрывательством, каждый акт приобретения указанных предметов следует считать ее реализацией. Отсутствие подобной договоренности не превращает даже систематические действия по приобретению добытых в результате преступления предметов в пособничество. Такие действия не являются совместными, поэтому не выступают частью общей причины, влекущей для соучастников единый результат.

В целом с двумя предшествующими позициями нельзя согласиться в связи с тем, что преступление совершается одно, преступный результат является единым, а связей (причинных или причинных и обуславливающих), на основании которых вместе с другими признаками соучастия выстраивается конструкция уголовной ответственности соучастников преступления, выявляется несколько. Установление причинных и обуславливающих связей, возникающих между деяниями различных лиц и преступным последствием, констатирует только их причастность к такому последствию, а не совместность их действий.

Полагаем, следует поддержать позицию тех исследователей, которые исходят из того, что о соучастии свидетельствует только причинная связь, возникающая между совместным деянием и единым для соучастников преступным результатом [15, с. 49–50]. Однако аргументация этой позиции должна основываться на современном философском разрешении проблемы о причинности и детерминации человеческой деятельности. В соответствии с ним следствие — это результат действия полной причины, складывающейся из всех необходимых условий. Необходимые условия подразделяются на причины специфические и кондициональные. Специфическая причина направлена на следствие, а кондициональная причина направлена на приведение специфической причины в ее активное состояние, на реализацию явления как возможного в действительное [16, с. 417–419].

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 5.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

При соучастии полной причиной преступного результата как его следствия является совместная деятельность соучастников. Полная причина складывается из деяний всех соучастников, образующих совокупность необходимых условий. Совокупность таких необходимых условий создает закономерность (неизбежность или реальную возможность) наступления единого для всех соучастников преступного результата. Специфическая причина такого результата — это деяние исполнителя. Именно оно порождает преступный результат как свое закономерное следствие. Деяния иных соучастников преступления представляют собой кондициональную причину (необходимое условие), способствующую формированию специфической причины в виде деяния исполнителя (в частности, действия подстрекателя возбуждают в исполнителе решимость совершить преступление) либо ее проявлению (в частности, пособник, предоставляя исполнителю орудие убийства, укрепляет этим решимость последнего совершить убийство).

Безусловно, применительно к различным формам соучастия причинность проявляется по-разному. Общую причину преступного результата при групповом преступлении составляют действия каждого из исполнителей непосредственно, при соучастии с юридическим разделением действия каждого соучастника образуют часть общей причины преступного результата через действия исполнителя преступления [17, с. 9–10].

Вышеизложенное дает основание утверждать, что причинная связь при соучастии в преступлении возникает только между общим деянием соучастников и единым для них преступным результатом. Выделение кондициональной причины (необходимого условия) позволяет отнести к соучастию только значительное содействие нескольких лиц совершению преступления, а также дает возможность установить степень необходимости деяния каждого соучастника для обусловленности действий других и тем самым его вклад в совместное преступление.

Вопрос о том, носит причинная связь как признак состава преступления только объективный или объективно-субъективный характер, т.е. зависит ли ее наличие от осознания соучастниками преступления, в науке уголовного права решается также неоднозначно. Большая часть исследователей исходят из того, что такая причинная связь, как и причинная связь в уголов-

ном праве в целом, носит только объективный характер [18, с. 83–97].

Полагаем, что сторонники этой позиции отождествляют процессы детерминации в физическом и социальном мире. Последние являются более сложными в силу того, что реализуются через деятельность людей, больших или малых социальных групп, их взаимодействие между собой. Эта деятельность отличается от природных процессов сознанием как обобщенным и целенаправленным отражением человеком социальной действительности. В силу этого социальная детерминация предполагает переплетение и взаимодействие субъективных и объективных факторов [19, с. 375–394; 20, с. 437, 607–609]. Преступление — это вид социального поведения. Не случайно в числе признаков преступления законодатель указал его виновный характер (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Этим законодатель подчеркнул участие в причинении вреда, который может носить как физический, так и иной характер, сознательной активности человека. Отметим, что даже авторы, настаивающие на объективном характере причинной связи между преступным деянием и его последствиями, не отрицают ее зависимости от сознания виновного. Так, М.И. Ковалев указывал, что причиной преступных последствий, кроме телодвижений совершающего преступления, является осознанное использование им различных обстоятельств (механизмов, орудий, объективных закономерностей и т.д.) [21, с. 98]. Подобным образом рассуждали и иные авторы [9, с. 139; 22, с. 94–97, 119, 129].

Полагаем, что наиболее обоснованной является позиция авторов, которые рассматривают причинную связь в уголовном праве прежде всего как явление социальное, а не физическое. Это означает, что социальная детерминация преступления основывается на действии физических и информационных явлений [23, с. 279–284, 308, 313].

Указанное обстоятельство дает основание утверждать, что причинная связь при соучастии в преступлении как вид социальной детерминации носит объективно-субъективный характер, поскольку ее наличие зависит от осознания соучастниками общности деяния, единства преступного результата, его закономерного характера по его отношению к общему деянию. Причем причинная связь при соучастии, в котором выделяются виды в соответствии со ст. 33 УК РФ, носит информационно-психологический

характер, так как соучастники воздействуют на психику исполнителя преступления: организатор — соединяя усилия исполнителя с усилиями других соучастников, подстрекатель — склоняя его к совершению преступления, а пособник — укрепляя эту решимость.

И наконец, по-разному исследователи отвечают на вопрос о том, носит причинная связь при соучастии закономерный или вероятный характер, в чем состоит закономерный характер этой связи — в неизбежности последствий или в их возможности (реальной и абстрактной). Во многом ответ на этот вопрос зависит от того, какой теории причинной связи придерживаются исследователи (возможности и действительности, реальной и абстрактной возможности, необходимого условия и т.д.). Однако различие между этими теориями не является достаточно четким, сторонники разных теорий могут одинаково отвечать на сформулированный нами вопрос. Не так много исследователей, которые утверждают, что причинная связь носит вероятный характер [24, с. 65]. Полагаем, что при вероятном характере последствий (прежде всего при абстрактной их вероятности) установленная связь между деянием и последствием не является причинной, так как деяние должно влечь как минимум реальную возможность наступления последствий. О связи, которая не влечет такую возможность, можно говорить только как о некоторой последовательности событий, связи состояний и т.д.

Большинство исследователей подчеркивают закономерный характер причинной связи. Однако эта закономерность понимается по-разному. Так, одни авторы считают, что такая закономерность имеет место, если деяние выступает необходимым условием наступления последствия, т.е. деяние предшествует этому последствию, и без него последнее не произошло бы или произошло бы иным образом [9, с. 118–129, 247–258; 10, с. 83–86; 22, с. 128–137; 25, р. 318–319]. На наш взгляд, такая позиция расширяет основания уголовной ответственности, так как позволяет привлечь к ней лиц, деяния которых настолько отдалены от последствий, что создают возможность вредоносного воздействия иных лиц и являются незначительными для их наступления, в силу чего вообще не представляют опасности для отношений, охраняемых уголовным законом. На это обстоятельство обратил внимание В.Н. Кудрявцев, указывая, что действие связано с последстви-

ем именно причинной связью, если оно объективно было опасно для охраняемого законом объекта, а последствие стало реализацией этой опасности. Далее автор отмечает, что последствие является реализацией опасности в том случае, если деяние создавало реальную возможность наступления вреда, т.е. создались все условия, имелись все силы, которые могли вызвать вред [26, с. 178, 207–209].

Эти положения подчеркивают особое соотношение между деянием и последствием, их взаимозависимость: деяние опасно конкретными последствиями, а последствия причинно связаны с деянием в том случае, если воплощают в себе конкретную опасность деяния. Уточним только одно обстоятельство: такая взаимосвязь между деянием и последствием имеет место прежде всего в тех случаях, когда деяние неизбежно (обязательно) приведет к наступлению последствий. Однако это не означает, что причинная связь есть только тогда, когда деяние неизбежно порождает последствие, как утверждают некоторые авторы [27, с. 18; 28, с. 97–98]. В тех случаях, когда существует некоторая протяженность между деянием и последствием, последствие отдалено от деяния, создаются условия для вхождения в развитие причинной связи иных помимо деяния обстоятельств (например, для медицинского вмешательства с целью предотвращения смерти от огнестрельного ранения), следует устанавливать реальную возможность наступления последствий.

Общие положения о закономерном характере причинной связи служат основой для характеристики причинной связи при соучастии, которая констатируется между общим деянием соучастников и единым преступным последствием в том случае, если наступление таких последствий от такого деяния неизбежно или реально возможно. При этом вновь подчеркнем, что неизбежность или реальная возможность наступления единого результата имеют место в тех случаях, когда общее деяние соучастников преступления является полной причиной такого результата, состоящей из необходимых условий, представленных деяниями всех соучастников.

Совместность умысла соучастников определяет содержание психического отношения каждого соучастника к общему деянию. Интеллектуальный момент умысла включает осознание каждым из них взаимной обусловленности деяний друг друга, а также предвидение единого результата совместного деяния и осознание

причинной связи между общим деянием и этим результатом. Данная характеристика умысла свидетельствует о двусторонней субъективной связи между соучастниками. Вместе с тем некоторые исследователи полагают возможным при соучастии наличие односторонней субъективной связи. По их мнению, она возможна в тех случаях, когда исполнитель не знал о том, что его действиям оказали содействие иные лица (подбросили яд для совершения убийства и т.п.) [29, с. 105–109; 30, р. 418–422]. Считаем, что подобная связь позволяет вести речь о стечении нескольких лиц в одном преступлении, а не о соучастии их в одном преступлении.

Осознание каждым из соучастников обусловленности действий друг друга означает существование между ними только двусторонней субъективной связи. Безусловно, такая связь может быть различной. Она может состоять как в знании каждым соучастником личности других соучастников и в детальном знании ими о деяниях друг друга, так и в минимальном знании соучастником о содействии со стороны других лиц [31, с. 77], например в знании исполнителем только пособника или даже в осознании пособнических действий, оказываемых неизвестным лицом. В современных условиях развития информационных технологий минимальная субъективная связь распространена при незаконном сбыте наркотических средств, когда соучастники совершают эти действия бесконтактным способом с помощью обмена информацией о местах закладки этих предметов и осуществляют расчеты в безналичных формах в цифровой среде [32, с. 173–175].

Волевой момент при соучастии заключается в общности волевых усилий и общности цели лиц, совместно совершивших преступление [33, с. 108–109]. Общность воли и цели соучастников не исключает наличия у них, кроме того, самостоятельных мотивов и целей преступления [34, с. 122–132]. Такая ситуация возможна даже при соисполнительстве, причем она может отражаться на квалификации действий соучастников. Например, один из участников группового убийства действует из корыстных побуждений, похищая имущество потерпевшего, а другой совершает убийство по мотиву кровной мести.

На положении о том, что при отсутствии совместного умысла отсутствует соучастие, основывается и судебная практика, в частности при разграничении интеллектуального пособниче-

ства в форме заранее данного обещания укрыть преступления и прикосновенности к преступлению в форме его укрывательства, которое заранее не обещано [35, с. 132–134].

Отметим, что в литературе применительно к субъективной стороне совместности соучастия высказано суждение о возможности соучастия в неосторожных преступлениях [36, с. 84–93]. На наш взгляд, при стечении нескольких лиц при совершении одного неосторожного преступления нет психической общности, необходимой для соучастия. Одно лицо не может осознать обусловленность его неосторожных действий неосторожными действиями другого лица, предвидеть последствия таких действий. При соучастии обязательным является осознание каждым соучастником действий других соучастников, прежде всего действий исполнителя, а также хотя бы простое предвидение их действий [37]. Отсутствие такого осознания и такого предвидения означает и отсутствие совместности волевых усилий соучастников, воплощаемой в общей групповой цели. Законодатель четко выразил свою позицию по этому вопросу, указав в ст. 32 УК РФ на возможность соучастия только в умышленных преступлениях.

При совместном умышленном причинении вреда, влекущем неосторожное наступление более тяжких последствий (например, в случае, предусмотренном в ч. 4 ст. 111 УК РФ), за последние ответственность несет только тот из соучастников, кто их причинил. Это обусловлено тем, что причинение более тяжких последствий по неосторожности не охватывается умыслом других соучастников [38, с. 42–43]. Вместе с тем требуется конструктивное законодательное решение проблемы неосторожного причинения вреда несколькими лицами в виде закрепления в уголовном законе оснований и пределов уголовной ответственности каждого из этих лиц [39, с. 36]. Вряд ли можно признать удачным законодательное решение этой проблемы в ч. 3 и 4 ст. 263.1 УК РФ, в которых признано совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Созданный прецедент может быть распространен на все неосторожные преступления, при которых последствия причиняются в результате нарушения специальных правил предосторожности. Однако разработка теоретических положений законодательного решения проблемы неосторожного причинения вреда несколькими лицами находится за пределами обозначенной

в данной статье проблемы и требует самостоятельного научного исследования.

Таким образом, признак совместности соучастия характеризуется объективными и субъективными свойствами, которые являются обязательными. Их игнорирование приводит не только к тому, что конструкция соучастия начинает применяться к уголовно-правовым ситуациям, которые не имеют к нему никакого отношения, но и к тому, что сам законодатель игнорирует закрепленное им в ст. 8 УК РФ положение об основании уголовной ответственности. В качестве него выступает деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Такое игнорирование имеется в положении, содержащемся в ч. 5 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которым организаторы и руководители организованной группы и преступного сообщества несут уголовную ответственность не только за создание преступной группы либо руководство ею, но и за все преступления, совершенные группой, которые охватывались умыслом указанных лиц. Законодатель посчитал, что совместность, необходимая для соучастия, существует только при наличии такого умысла при отсутствии общности деяния лидеров организованных групп и преступных сообществ с деянием их рядовых участников, единого для них преступного результата и причинной связи между ними. Мало того, наличие только умысла у данных лидеров по отношению к преступлениям, совершенным другими участниками преступной группы, не означает даже наличия совместности умысла у всех этих лиц на совершение преступления. Нами уже указывалось на необходимость наличия между соучастниками двусторонней субъективной связи, которая включает осознание каждым соучастником взаимной обусловленности деяний друг друга, а также предвидение единого результата совместного деяния и осознание причинной связи между общим деянием и этим результатом. Кроме того, совместность умысла соучастников заключается в общности волевых усилий и общности цели лиц, совместно совершивших преступление. Без наличия объективных признаков совместности умысла быть не может. Можно, конечно, предположить, что законодатель в рассматриваемой ситуации имел в виду какую-то особую разновидность совместности, которой характеризуются преступления, совершаемые организованными группами и преступными сообществами. Одна-

ко это не так, поскольку для рядовых участников организованных групп и преступных сообществ каких-либо особых признаков совместности закон не предусмотрел. В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ, они несут уголовную ответственность за преступления, совершенные указанными группами, если участвовали в их совершении или подготовке к ним. Такая позиция последовательно подтверждена и судебной практикой, в частности в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11, п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 г. № 1. Общие правила совместности должны распространяться на всех соучастников преступления, спецификой обладают только вклад каждого соучастника в совместное преступление и его осознание каждым из них. Поэтому полагаем, что положение закона об уголовной ответственности организаторов и руководителей организованных групп и преступных сообществ следует трактовать ограничительно. Эти лица должны нести уголовную ответственность за создание таких групп и руководство ими, а также за те преступления, которые они совершили совместно с другими участниками, выступая в качестве исполнителей, организаторов, подстрекателей или пособников в соответствии со ст. 33 УК РФ.

Итак, сделаем основные выводы, вытекающие из содержания статьи. К совместности соучастия в преступлении с объективной стороны относятся общность деяния соучастников, единый для них преступный результат и причинная связь между общим деянием соучастников и единым преступным результатом. Общность деяния соучастников означает взаимную обусловленность деяний каждого из них, достигаемую через разделение функций и соединение их усилий в процессе совершения преступления. Единый для соучастников преступный результат обуславливает наличие причинной связи между общим деянием соучастников и единым преступным результатом. Причинную связь при соучастии в преступлении следует понимать как разновидность причинных связей в социальных явлениях, в силу чего она носит объективно-субъективный характер, зависит от сознания соучастников преступления. Причинная связь

при соучастии в преступлении связывает общее деяние соучастников и единый для них преступный результат, если такое деяние является причиной этого результата, т.е. содержит неизбежность или реальную возможность его наступления. Совместность соучастия в преступлении

с субъективной стороны характеризует совместность умысла соучастников, означающую наличие у них психической общности, выражающейся в двусторонней субъективной связи между ними и в общности их волевых усилий, общности цели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений / Р.Р. Галиакбаров. — Москва : Юрид. лит., 1980. — 80 с.
2. Рарог А. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости / А. Рарог, Г. Есаков // Российская юстиция. — 2002. — № 1. — С. 51–53.
3. Прокументов Л.М. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2022. — № 43. — С. 86–96.
4. Благоев Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность / Е.В. Благоев. — Москва : Юрлитинформ, 2021. — 320 с. — EDN EZSNPG.
5. Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / В.Н. Курченко. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 427 с.
6. Гришаев П.И. Соучастие по советскому уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. — Москва : Госюриздат, 1959. — 256 с.
7. Зелинский А.Ф. Соучастие в преступлении / А.Ф. Зелинский. — Волгоград : Изд-во Высш. следств. шк. МВД СССР, 1971. — 44 с.
8. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации / Р.Р. Галиакбаров. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та, 2000. — 200 с.
9. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве / Т.В. Церетели. — Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1957. — 276 с.
10. Энциклопедия уголовного права / сост. Л.Д. Кудрявцева [и др.]. В 35 т. Т. 6. Соучастие в преступлении. — Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинин, 2007. — 564 с. — EDN QWJCMN.
11. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия / Р.Р. Галиакбаров. — Хабаровск : Хабар. высш. шк. МВД СССР, 1987. — 96 с.
12. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении / А.В. Шеслер. — Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2014. — 84 с. — EDN WARSGV.
13. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — Москва : Зерцало-М, 2002. — 624 с. — EDN RAYGIT.
14. Козлов А.П. Соучастие / А.П. Козлов. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. — 362 с.
15. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. — Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. — 204 с.
16. Алексеев П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. — Москва : Проспект, 1998. — 568 с.
17. Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности / В.П. Алехин. — Москва : Юрлитинформ, 2009. — 208 с. — EDN QRGLHN.
18. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак. — Киев : Наукова Думка, 1969. — 216 с.
19. Момджян К.Х. Введение в социальную философию / К.Х. Момджян. — Москва : Высш. шк., 1997. — 448 с.
20. Спиркин А.Г. Философия : учебник / А.Г. Спиркин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2012. — 828 с.
21. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. — 176 с.
22. Малинин В.Б. Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. — Санкт-Петербург : Изд-во Юрид. ин-та, 2004. — 301 с. — EDN QVXGMB.
23. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. — Москва : Юркнига, 2003. — 480 с.
24. Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей / Ф.Ю. Бердичевский. — Москва : Юрид. лит., 1970. — 128 с.
25. Raul Marifio E. Gaceta Judicial / E. Raul Marifio. — Ecuador, 1995. — 544 p.
26. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Госюриздат, 1960. — 244 с.
27. Козаченко И.Я. Проблемы причины и причинной связи в институтах общей и особенной частей отечественного уголовного права / И.Я. Козаченко, В.Н. Курченко, Я.М. Злоченко. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. — 791 с.
28. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Чучаева. — Москва : Контракт, 2012. — 320 с. — EDN QSMWFV.
29. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф.Г. Бурчак. — Киев : Вища школа, 1986. — 208 с.
30. Ashworth A. Principles of Criminal Law / A. Ashworth. — Oxford : Clarendon Press, 2009. — 434 p.
31. Трайнин А.Н. Учение о соучастии / А.Н. Трайнин. — Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. — 160 с.
32. Шеслер В.А. Уголовно-правовая характеристика хищения наркотических средств или психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Шеслер. — Красноярск, 2020. — 235 с.
33. Волков Б.С. Мотивы преступлений / Б.С. Волков. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. — 152 с.

34. Тарарухин С.А. Преступное поведение / С.А. Тарарухин. — Москва : Юрид. лит., 1974. — 224 с.
35. Судебная практика к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева. — Москва : СПАРК, 2001. — 1168 с.
36. Гринберг М.С. Технические преступления / М.С. Гринберг. — Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. — 144 с. — EDN UOEZER.
37. Ibbetson D. Mental Element for Complicity / D. Ibbetson. — EDN IVMIUF. — DOI 10.1093/OJLS/2.2.287 // Oxford Journal of Legal Studies. — 1982. — Vol. 2, no. 2. — P. 287–290.
38. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. — Москва : Проспект, 2017. — 144 с.
39. Дегель П.С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности / П.С. Дегель // Вопросы борьбы с преступностью. — 1981. — Вып. 34. — С. 28–38.

REFERENCES

1. Galiakbarov R.R. *Qualification of Group Crimes*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1980. 80 p.
2. Rarog A., Esakov G. The understanding of «a group of persons» by the Supreme Court of the Russian Federation corresponds to the principle of justice. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2002, no. 1, pp. 51–53. (In Russian).
3. Prozumetov L.M., Shesler A.V. Criminal Legal Means Against Combating Group Crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 43, pp. 86–96. (In Russian).
4. Blagov E.V. *Complicity in a Crime and Criminal Liability*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 320 p. EDN: EZSNPG.
5. Kurchenko V.N. *Counteraction Against Illegal Turnover of Narcotics and Psychotropic Substances*. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2003. 427 p.
6. Grishaev P.I., Kriger G.A. *Complicity under Soviet Criminal Law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1959. 256 p.
7. Zelinsky A.F. *Complicity in Crime*. Volgograd, Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1971. 44 p.
8. Galiakbarov R.R. *Combating Group Crimes: Qualification Issues*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., 2000. 200 p.
9. Tsereteli T.V. *Causality in Criminal Law*. Tbilisi University Publ., 1957. 276 p.
10. Kudryavtseva L.D. (ed.). *Encyclopedia of Criminal Law*. Saint Petersburg, Malinin V.B. Publ., 2007. Vol. 6. 564 p. EDN: QWJCMN.
11. Galiakbarov R.R. *Qualification of Multi-objective Crimes without Signs of Complicity*. Khabarovsk Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1987. 96 p.
12. Shesler A.V. *Complicity in Crime*. Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2014. 84 p. EDN: WARSGV.
13. Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (eds.). *A Course of Criminal Law*. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. Vol. 1. 624 p. EDN: RAYGIT.
14. Kozlov A.P. *Complicity*. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2001. 362 p.
15. Kovalev M.I. *Complicity in a Crime*. Yekaterinburg, Ural State Law Academy Publ., 1999. 204 p.
16. Alekseev P.V., Panin A.V. *Philosophy*. Moscow, Prospekt Publ., 1998. 568 p.
17. Alekhin V.P. *Complicity in Terrorist Activities*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 208 p. EDN: QRGLHH.
18. Burchak F.G. *The Doctrine of Complicity in Soviet Criminal Law*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1969. 216 p.
19. Momdzhyan K.Kh. *Introduction to Social Philosophy*. Moscow, Higher School Publ., 1997. 448 p.
20. Spirkin A.G. *Philosophy*. 3rd ed. Moscow, Yurait Publ., 2012. 828.
21. Kovalev M.I. *Problems of the Theory of the Objective Side of Corpus Delicti*. Krasnoyarsk University Publ., 1991. 176 p.
22. Malinin V.B., Parfenov A.F. *The Objective Side of the Crime*. Saint Petersburg Law Institute Publ., 2004. 301 p. EDN: QVXGMB.
23. Ter-Akopov A.A. *Crime and Problems of Non-Physical Causality in Criminal Law*. Moscow, Yurkniga Publ., 2003. 480 p.
24. Berdichevsky F.F. *Criminal Responsibility of Medical Workers for Violation of Professional Duties*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1970. 128 p.
25. Raul Marifio E. *Gaceta Judicial*. Ecuador, 1995. 544 p.
26. Kudryavtsev V.N. *The Objective Side of the Crime*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 244 p.
27. Kozachenko I.Ya., Kurchenko V.N., Zlochenko Ya.M. *Problems of the Cause and Causal Connection in the Institutes of the General and the Special Parts of Russian Criminal Law*. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2003. 791 p.
28. Chuchava A.I. (ed.). *Russian Criminal Law. A Common Part*. Moscow, Kontrakt Publ., 2012. 320 p. EDN: QSMWFV.
29. Burchak F.G. *Complicity: Social, Criminological and Legal Problems*. Kiev, Vishcha Shkola Publ., 1986. 208.
30. Ashworth A. *Principles of Criminal Law*. Oxford, Clarendon Press, 2009. 434 p.
31. Trainin A.N. *Theory of Accompliceship*. Moscow, Law Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941. 160 p.
32. Shesler V.A. *Criminal-Legal Characteristics of Theft of Narcotic Drugs or Psychotropic Substances. Cand. Diss.* Krasnoyarsk, 2020. 235 p.
33. Volkov B.S. *Motives for Crimes*. Kazan University Publ., 1982. 152 p.
34. Tararukhin S.A. *Criminal Behavior*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1974. 224 p.
35. Lebedev V.M. (ed.). *Judicial Practice to the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Spark Publ., 2001. 1168 p.
36. Grinberg M.S. *Technical Crimes*. Novosibirsk University Publ., 1992. 144 p. EDN: UOEZER.
37. Ibbetson D. Mental Element for Complicity. *Oxford Journal of Legal Studies*, 1982, vol. 2, no. 2, pp. 287–290. EDN: IVMIUF. DOI: 10.1093/OJLS/2.2.287.
38. Telnov P.F. *Liability for Complicity in a Crime*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 144 p.
39. Dage P.S. Causality in Crimes Committed by Negligence. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu = Issues of Counteracting Crime*, 1981, iss. 34, pp. 28–38. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеслер Александр Викторович — профессор кафедры уголовного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: sofish@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шеслер А.В. Содержание совместности при соучастии в преступлении / А.В. Шеслер. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354. — EDN ILGEDX // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 3. — С. 342–354.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shesler, Alexander V. — Professor, Chair of Criminal Law, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, the Russian Federation; Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute, National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Professor, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: sofish@inbox.ru.

FOR CITATION

Shesler A.V. The Content of Collaboration in the Complicity in a Crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 342–354. (In Russian). EDN: ILGEDX. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).342-354.